

Елена Баракова

**Солнышко
в банке**

Елена Баракова

Солнышко в банке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68477408

ISBN 9785005918109

Аннотация

У восьмилетнего ребёнка что ни день, то приключения. То чёрная кошка во двор прибудитя, то призрак в соседской квартире заведётся, то деньги прямо под ногами найдутся. Да и просто некогда скучать, если у тебя есть мама, папа, брат и отличная компания друзей. Быстро летят года от зимы до зимы. То снежинки порхают, то бабочки. А трава – она ведь всегда зелёная. Какая была в советском детстве, такая и сейчас остаётся.

Содержание

Вступление.	5
Глава 1.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Солнышко в банке

Елена Баракова

© Елена Баракова, 2023

ISBN 978-5-0059-1810-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление.

Чирок и все остальные

На полу около печки сидело чудо. Такое маленькое, что легко было накрыть его ладошкой. Что мы с братиком Серёгой и сделали. Сначала Серёга, потом я. Потом опять хотел Серёга, но я не уступила. Тогда Серёга укусил меня за руку. А я за это отвесила ему этой самой рукой хорошенький подзатыльник.

Чудо было круглое, как маленький мячик. У нас такой под диван закатился. Только наш твёрдый, хоть и послулся. А этот мягонький. Лапуся! А всё из-за пуха. Пух такой приятный! И пахнет вкусно – свежим огурцом, только тёплым.

Батюшки светы! Дуешь легонько на мягкие пушинки-волосинки, они ложатся по сторонам. Лапки тонюсенькие, как прутики. На спинке косточки такие острые! Вот они: первая, вторая, третья... Головка крошечная, у моих пупсиков и то больше.

– Ну-ка, посмотри на меня! Посмотри, не бойся. Красавчик! Серенький с жёлтыми полосками! Серунюшка!

– Дай мне его поделжать, Алёнка! – закричал братик.

Серёга запрыгал, в ладоши захлопал. Начал ногой притоптывать, как конь молодой.

– Нельзя, раздавишь ещё, – сказала я.

Потом закрыла малыша спиной и показала Серёге фигу.
В комнату вошёл папа.

– Пап, а она мне этого погладить не даёт, а сама гладила, –
нажаловался Серёга.

Я подняла руку, на которой ещё виднелись полукруглые
впадины от зубов, и с многозначительным видом поднес-
ла к папиному носу. Серёга притих. Папа покачал головой,
вдохнул и направился к чуду.

– Это чирок, – сказал папа, – уточка. Алёна, возьми мах-
ровое полотенце, положи у кресла, а на него посади чирка.
Пусть отдохнёт. И не ругайтесь, иначе бедное животное с ума
сведёте.

Мы быстро сделали всё, что велел папа.

Где папа взял птенца – по сей день остаётся для меня за-
гадкой. Хочется верить, что он принес кроху в дом, руко-
водясь исключительно добрыми намерениями – напри-
мер, чтобы спасти от неминуемой гибели. Может быть, на-
шёл в страшном заброшенном доме. Или отнял у мальчи-
шек-озорников. Взять из гнезда он не мог – это точно. Мой
папа хороший. Он знает, что диких зверей и птиц брать до-
мой нельзя.

Мы с Серёгой долго рассматривали птенца. Тихо, чтобы
не свести с ума. Чирок никуда не убежал, а просто сидел
и смотрел. Его чёрные глазки блестели, как бусинки. Должно
быть, он всё-таки сильно испугался.

Я принесла бутылку молока, два стакана, батон. Мы с бра-

тиком отщипывали хлеб и запивали молоком, продолжая наблюдение. Комната наполнилась хлебным ароматом и крошками. Малыш сидел тихохонько.

Когда оставалось полбатона и полбутылки, меня осенила догадка. Но выразить словами её я не могла, потому что, когда набирала воздуха, вдохнула крошку. Крошка где-то прилипла, щекотала и не выкашливалась. Серёга изо всех сил бил меня кулаком по спине.

– Серёг, мы такие глупые! Понимаешь, почему мы с тобой глупые? – наконец-то смогла произнести я.

– Понимаю. Потому, что можно было нам компоту попить с конфетами, – поразмыслив, ответил братик.

– Да нет! Мы тут едим, пьём, а пушистик смотрит. Он что – не живой, что ли? Он ведь тоже есть хочет! – почему-то не сказала, а провизжала я.

– Точно! Давай я «Мишку на севеле» плинесу! Я быстло!
– Давай!

Серёга со всех ног бросился на кухню и вернулся с конфетой. Я быстро развернула конфету, откусила порядочный кусок, забыла разжевать, проглотила, отправила следом оставшийся, взяла Серёгу за руку и потащила на улицу. При этом свободной рукой успела погладить пушистика по спинке.

– Сиди и никуда не убегай.

Я спешила – предстояло выполнить задание невероятной важности. От этого зависела жизнь маленького пушистика, который остался на полу и ждал, как я ему наказала. «Он

не умрёт с голоду, я не допущу!»», – вертелось в голове, пока мы с братиком бежали. Я бежала с высоко поднятой головой.

За десять минут собрать друзей, которые были дома, не составило труда. Два подъезда, два этажа. Чтобы бежать по лестницам быстрее, лучше прыгать через две ступеньки – это все знают. Мы и прыгали. В нашем доме почти в каждой квартире были дети. Из двенадцати квартир только в трёх не было. Конечно, малышей в колясках мы на помощь звать не стали. Антона и Лену тоже: они школу заканчивают, на танцы ходят – какие из них дети? В нашей компании народу и без них хватало. У меня анкета сохранилась, сейчас мы вместе читаем про всех моих друзей. Зелёная тетрадка в клеточку. Красивая! Когда я её заводила, выстригла из открыток зайчиков и розочек и сюда вклеила. Итак, начнём с меня, потому что я первая заполняла.

Имя: Алёна.

Возраст: 8 лет.

Лучший друг: Наташа и все ребята из нашего двора.

Увлечения: люблю разных животных, особенно пауков и змей.

Любимая еда: хрустящая картошка и арбузы.

Любимая песня: много. Нам птицы просигналили подъём, у дороги чибис и пропала собака.

Мечты: чтобы у меня дома жила говорящая обезьяна.

Теперь посмотрим, что у других. За Серёгу и Ваню я сама писала, потому что они еще не умели.

Имя: Серёжа.

Возраст: 6 лет.

Лучший друг: мама Оля.

Увлечения: рисование.

Любимая еда: суп без лука.

Любимая песня: нет.

Мечты: чтобы мама купила машинку на пульте и завела кошку.

Имя: Ваня.

Возраст: 6 лет.

Лучший друг: Серёжа.

Увлечения: машины.

Любимая еда: любая.

Любимая песня: Солнечный круг, небо вокруг.

Мечты: чтобы папа дал покататься на мопеде.

К Ване мы первому и отправились.

– Вань, выходи! – закричал Серёга, едва я отпустила кнопку звонка.

Из-за крика я не услышала, как Ваня подошел к двери, и получила этой дверью по лбу.

– Шишка будет, – заволновался братик, – надо мокрое полотенце приложить.

Я махнула рукой – телячьи нежности!

– Чего случилось-то? – спросил Ваня. Он вышел в подъезд и, как ни в чем не бывало, смотрел на нас. Я даже немного обиделась: отоварил меня и хоть бы посочувство-

вал. Но тут же вспомнила, что нас ждет голодный пушистик и объяснила другу причину срочного сбора. Через пару минут мы уже втроём барабанили в Танину дверь.

Имя: Татьяна.

Возраст: 10 лет.

Лучший друг: с плохими не дружу.

Увлечения: спорт.

Любимая еда: жареное мясо.

Любимая песня: терпеть не могу песни.

Мечты: олимпиада.

– Кто? Кто там? – еле слышно спросила за дверью тётя Нина, Танина мама. Из-за двери запахло котлетами. У меня в животе началась революция.

Слышно было, как шаркают по коридору тётинины тапки. Розовые, с ушками, как у поросёнка, с чёрным пяточком и глазками. Тётя Нина сама их сшила, а мелкие детали вывязала крючком.

– Мы за Таней, тётя Нин! – крикнула я.

– Алёнушка, её нет. Она на соревнования уехала в Коряжму. Приедет только через два дня.

– Понятно! – прокричали мы хором и побежали во второй подъезд.

Наташа увидела нас из окна и выбежала, не дожидаясь звонка. Прямо в халате и тапках. Она захлюпала носом и принялась вытирать слёзы – так расстроилась из-за бедного утёнка.

Имя: Наташа.

Возраст: 8 лет.

Лучший друг: Алёна.

Увлечения: пение.

Любимая еда: клубника.

Любимая песня: лашате ми кантаре.

Мечты: это секрет.

Оставалась только позвать Димку, но тут Наташа вспомнила, что он покрылся какими-то прыщиками, и мы к нему не пошли, чтобы не заразиться. Димка анкету не заполнял, он вообще скрытный – наверное, в партизаны готовится. Но ему точно 8 лет. Это я знаю, потому что он учился в нашем с Наташей классе.

Четверо – это уже команда. Пусть не в полном составе, но мы должны были добыть корм. Однако, что именно едят чирки – не знал никто.

– Естественно, не тушёную капусту и не манную кашу, – пошутил Ваня.

Серёга расхохотался так, что согнулся пополам.

– Сидит чилок в садике на стулике, а ему нянечка талелку с манной кашей ставит. Как он ложку-то делжать будет?

Братик развеселился не на шутку. Пришлось остановиться у берёзы, чтобы Серёга успокоился и разогнулся. Эта берёза была нашим любимым деревом. Ствол её расщеплялся надвое. Получалось два ствола, растущих параллельно земле, а потом уже вверх. На левом уселись мы с Наташей,

на правом – Таня и Ваня. Серёга собирался обидеться, потому что места ему не осталось. Но быстро нашёл решение – втиснулся между мною и Наташей.

Тихонечко шелестели листья. В самой вышине, там, где веток становилось мало, начиналось голубое небо. По небу бежала белая полоска, которая расплывалась и таяла – это мчался в дальние края быстрокрылый самолёт. На ветку рядышком с нами села птичка. И сразу тюк—тюк клювиком. Батюшки светы! Она жучков клевала!

Мы с Наташей переглянулись. Конечно, как и все птицы, наш чирок должен любить насекомых. Они – его корм. Первыми в согнутые лодочкой ладошки отправились те самые жучки. Птичка поперхнулась и улетела, возмущённо взмахивая короткими крылышками.

Торопясь, отнимая добычу друг у друга, мы наловили мошек, которые в умерщвлённом виде представляли собой чёрные точки, мух, червяков и каких-то белых опарышей. Целый час мы их ловили! А потом не знали, куда положить. Наташа принесла газету, разложила под деревом. Мы ссыпали добычу на бумагу, и тут как подул ветер! Всё разлетелось. Только один раздавленный опарыш к буквам прилип. Второй раз уже быстрее ловили. Знали, где кого искать. Мух и мошек – на гнилой коже от яблок около помойки. Червяков – на грядках. Жучков, понятно, на берёзе. Пойманных насекомых мы держали в кулаках. Когда накапливалось столько, что начинали мешать – уносили в подъезд. Газету

там же на подоконнике и развернули. Там ветра нет.

Потом мы пошли к нам домой, на цыпочках пробрались в комнату, положили угощение перед птенчиком. Кажется, никто даже не дышал. Чирок сидел в той же позе, в какой мы его оставили. Но тут одна из мух начала приходить в себя. Чирок повернул жёлто-серую головку. В глазках-бусинках блеснул огонёк. Мы не стали мешать малышу и убежали гулять. Пусть поест, отдохнёт, успокоится. Завтра можно будет показать ему зелёную травку, полную жужжащей, копошащейся еды: пусть сам учится добывать пропитание.

Через час, когда я забежала проверить обстановку, газета была пуста.

К вечеру чирок ещё больше порадовал. Он решил осмотреть новое место жительства и принялся маленькими шажками ходить по квартире. Даже мама с папой довольно улыбались, глядя на маленькое чудо. Мы с Серёгой целый вечер мирно читали, играли, смотрели телевизор.

Утром я проснулась в начале восьмого. Пахло блинами: мама, как всегда, встала часов в пять, чтобы приготовить что-нибудь вкусненькое. Я зевнула во весь рот. Серега ещё спал. Опять его придётся трясти, чтобы разбудить в садик.

Видимо, ночью шёл дождик, потому что на окнах висели капельки. На ветке берёзы сидела ворона.

Первым делом я метнулась к печке. Туда, где накануне оставался чирок. Но чирка на месте не оказалось. Я осмотрела каждый уголок комнаты: печку, диван, кресло, стол, тум-

бочку под телевизором. Прочесала другую комнату, но не нашла малыша и в ней.

Мы с мамой обнаружили пропажу, когда стали заправлять постель. Подняли свесившееся до пола одеяло и увидели под ним чирка.

Мама прижала мою голову к своей груди. Мы не стали показывать чирка Серёге. Мама быстро собрала братика и увела в садик. Папа сказал, что сейчас пойдёт на работу и унесёт чирка.

– Пусть полежит дома, – попросила я.

Папа ушёл на кухню, что-то там уронил, потому что забрякало на весь дом.

Я стала рассматривать чирка. Он лежал, вытянув лапки-прутики. Глазки были закрыты. Я открыла один и потрогала. Мягкий. Я отдёрнула руку.

Чирок поднял головку и резво встал на ножки. Я заревела во весь голос. Прибежавший папа тёр кулаками глаза, трепал мои волосы и говорил, что сегодня же отнесёт птенчика бабе Любе в её зверинец. У бабы Любы – свой дом, пруд, корова, козы, курицы и утки. Баба Люба – папина тётя.

Было двадцать четвёртое июня. В тот день как раз завершалась смена пришкольного лагеря. Учителя предложили нам интересную игру: нужно было искать клад – сундук с конфетами.

– Ура! – закричали все.

А я прислонилась головой к прохладной колонне в школь-

ном вестибюле и застыла. Перед глазами сидел чирок – то лежащий, то стоящий. На глаза наворачивались слёзы, но до конца так и не навернулись. Я этому была даже рада. Не хотела, чтобы все приставали. Тогда пришлось бы рассказывать про чирка. А зачем рассказывать, если его сегодня вечером унесут бабе Любе? Поэтому вместе со всеми я пошла искать клад.

После лагеря мы с Наташей наловили очень много мошек. Ещё в тенёчке около туалета нам удалось найти четырёх комаров. Наташа сказала, что в приёмном пункте, где принимают ягоды, принимают и комаров. И что за килограмм сушёных комаров дают сто рублей. Я ей не очень поверила – такие деньжищи за каких-то комаров. Но всё равно мы решили потом поймать комаров побольше и засушить.

К тёте Любе мы ходили все вместе: я, Серёга, мама, папа, Наташа и Ваня. Чирок нам подмигнул на прощание. И все засмеялись, а я, когда все отвернулись, помахала ему рукой.

Многие люди любят животных. Поднимают голову, когда летят журавли. Угощают в парке белок-попрошаек. Любуются полётом бабочек или дёрганием головастика. Выгуливают и дрессируют собак. Гладят кошек. У меня сейчас два кота. Они всё время дерутся друг с другом. Гладить их израненные головы не очень приятно, и я глажу спинки. Про моих котов можно написать отдельную книгу.

А эта книга о животных, которых я помню с самого детства. О нашей дружной дворовой компании, с частью кото-

рой я вас уже познакомила. О соседях, которые жили бок о бок с нами в чудесном белокаменном доме. Это он только с виду дом как дом. На самом же деле – хранитель приключений, тайн и загадок.

Тот чирок уже через год стал взрослым. Я ходила-ходила к тёте Любе, смотрела-смотрела, как он растёт, а потом тётя Люба сказала, что он перебрался жить на речку к другим чиркам. Я побежала к речке – а там их не сосчитать. И все похожие.

Я сначала обиделась. Потом пошла в библиотеку. Взяла журнал «Юный натуралист» и про чирков почитала. Узнала, что в северных краях они вылупляются из яйца в июле. Я познакомилась с пушистиком в конце июня. Значит, всё у него шло наперекосяк – и родился раньше собратьев, и в человеческом жилище побывал, и напугал меня до слёз. Редкостная биография для обычного утёнка. Я всегда его буду помнить.

Чирок, наш дом, соседи, домашние питомцы смешались в моей памяти в живой, яркий, шевелящийся клубок. Что-то промелькнуло почти бесследно, другое – наоборот, обросло неожиданными подробностями. Иногда сама удивляюсь: неужели это было на самом деле? Может быть, со мной сыграла шутку богатая фантазия, и что-то было не так, как я запомнила?

Глава 1.

Чёрная кошка – это на счастье

Однажды в белом-белом дворе, под белым-белым небом, на белом-белом снегу появилась чёрная-чёрная кошка. Лапки её ступали невесомо. Стройная, грациозная, привыкшая передвигаться плавно, кошка эта чувствовала себя чужой на скованной морозом суровой земле. Она вытаскивала утонувшую в снегу лапку, тщательно отряхивала, переставляла вперёд, то же самое проделывала с другой лапкой. Откуда взялась – непонятно.

Никто эту красавицу не разыскивал. Точно из другого, неведомого мира шагнула к нам та чёрная кошка. На мгновение ослепла от январской сверкающей белизны и осознала, что ей требуется общество.

Чёрная кошка выбрала себе самую добрую, самую милую семью на свете. Бабушку Нюру и дедушку Костю из квартиры номер один, которые жили в нашем доме с той поры, когда его только построили. Она просто зашла в подъезд, когда баба Нюра пошла в магазин за молоком, а потом – в квартиру, когда хозяйка вернулась. Просочилась между ногами и дверью, никем не замеченная.

Благодаря обычному походу в магазин в семье старичков появилась такая красавица. Повезло так повезло!

Вы только не подумайте, что баба Нюра и деда Костя были дряхлыми и немощными. Просто они оба были седые, что для нашей компании являлось верным признаком глубокой старости.

Итак, белоснежным январским днём в квартиру номер один вошла чёрная кошка. Уже через десять минут после столь восхитительного события добрые старички, затаив дыхание, наблюдали, как гостя угощается.

Именно угощается, а не набрасывается на еду, как сто лет некормленая. Коснётся молока носиком, чихнет и только после этого розовым язычком отправит в животик питательную порцию.

После трапезы чёрная кошка решила отдохнуть.

– Извините, вы не подскажете, где тут можно прилечь? Понимаю, в иностранных языках вы не сильны. Пожалуй, вам, как и всем, слышится только «мяу». Очень жаль. Я так много вам хотела рассказать. Ничего-ничего, не тревожьтесь, сама разберусь. Вот эта розовая подушка будет как раз кстати. В общем, спокойной ночи. Просьба до завтрака не будить.

Кошка свернулась шариком. Где голова, где живот, где лапы – не разобрать. Всё чёрное. Баба Нюра и деда Костя, не сговариваясь, стали вести себя очень тихо. Дедушка переверачивал газетные страницы медленно-медленно. Бабушка наливала воду в умывальник не из ковшика, а из чашки. Кошка проспала остаток дня, вечер и ночь.

Утром вся троица проснулась одновременно. На завтрак теперь уже полноправная жительница квартиры получила кусочек говяжьего фарша. Красного, свежего, похожего на длинные макароны – баба Нюра его только-только накрутила на котлеты. Оделив кошку тремя столовыми ложками сырого фарша, оставшуюся часть хозяйка пустила на котлеты. Разбила ножом парочку яиц и вылила их содержимое на фарш. На красной горке сверху заколыхались два жёлтых глазка. Мелкими кубиками нарезала луковицу и зубчик чеснока, отправила туда же. Поплакала, вытерла глаза кухонным полотенцем. Достала зачерствевший кусок батона, поломала пальцами в крошки. Крошки высыпала в ту же миску.

Потом посолила фарш, поперчила, перемешала. Смочила ладони водой и принялась лепить котлетки. Сначала скрутит шарик, а потом приплюснет между ладонями и в муку его, родимого, в муку. В результате на деревянной доске стройными рядами уместились двадцать пять котлет. Когда первая партия очутилась на сковородке, квартира наполнилась благоуханием котлетного чеснока.

Первый подъезд наполнился аппетитным ароматом. Мы его сразу почуяли, мы на втором этаже как раз играли. Дядя Вова, дворник, в этот момент в подъезд за лопатой зашел. Да как закричит!

– Анна Семёновна! Угостите скромного труженика, павшего на снегоборьбе!

Хлопнули двери, наступила тишина. Похоже, баба Нюра

с дедой Костей накормили громкого соседа.

Кошку стали звать Цыганкой, но для удобства произношения просто Цыгой. Первоначально хотели назвать Снегурочкой: всё-таки зима, снег, дед и бабка. Но уж больно она была черна.

С той поры каждый вечер тишину маленького двора нарушал зычный зов.

– Цыга! Цыга!

Это деда Костя искал припозднившуюся чёрную красавицу. Её ждали дома не позже девяти – в то время, когда наступала пора спать. Кошечка произносила «мяу», что-то вроде «извиняюсь» и семенила домой, держа хвост трубой.

Быстро пролетали зимние дни. Ночи же, наоборот, казались бесконечными. В пятом часу вечера уже темнело. Возвращающиеся домой люди казались теньями. Утром картина была та же – ничего не видать. В школу, садик и на работу мы собирались, когда за окном стояла мгла, и долго шли потом по чёрным заснеженным улицам, на которых знали каждый дом, каждое деревце. Что нам темнота – по родным местам мы могли идти с завязанными глазами. Шли – и снег хрустел под ногами. Это ломались сотни, а может быть тысячи хрупких снежинок.

Зимой, когда появилась Цыга, Морозко от всей души стучал посохом. Красный столбик термометра день ото дня становился короче. Оконные стёкла обрастали белыми бутонами, венчающими причудливо изогнутые стебли. Со сторо-

ны квартиры внизу стекол, в их уголках, появились бугорки льда. Мы царапали их ножом, дышали на них ртом, растапливали: как-то тревожно, неприятно, когда лёд прямо в доме.

Может быть, в такие дни даже Снежная королева заглядывала, только мы с Серёгой ей не приглянулись. Мы были далеко не такими послушными, как Кай и Герда. Мы не ухаживали за розами и не вели задушевные беседы. Это во-первых. Во-вторых, мы много прыгали. Голова Снежной королевы точно закружилась бы при виде такого безобразия. Дома мы прыгали со стола, из-за чего я в один прекрасный день потеряла передний зуб.

– Вот видишь, Алёнка, какое тебе наказание, – пояснила потерю зуба баба Нюра, – нельзя на стол залезать. И садиться на стол нехорошо. Стол – престол.

На улице мы прыгали с верхних сараек. Это такие двухэтажные деревянные постройки с лестницей и дощатым настилом на втором этаже. Мы прыгали в сугробы, пролезая под перилами.

– Мне не забраться, ступеньки скользкие, я боюсь! – ежедневно монотонно ныла Наташка.

И чего портила людям настроение, ведь не самая маленькая, чтобы бояться. Наташка – она такая: чуть что – глаза на мокром месте.

– Чего ты такая трусиха? – привычно отвечал Ваня.

Несмотря на то, что Ваня был маленький и щупленький,

он не боялся ничего на свете. По ступенькам карабкался на четвереньках. Птицы с высоты, должно быть, принимали Ваню за паука невиданных размеров. Куртка, штаны, валенки, шапка – все чёрное.

Обычно он с предпоследней ступеньки цеплял руку Наташи, добравшейся лишь до середины.

– Держись, Натаха, – подбадривал подругу Ваня.

Наташины пальцы хватали Ванины, как спасательный круг. Мы – я, Серёга и Таня – с облегчением выдыхали и спокойно шли следом за этими лазутчиками.

Мы собирались кучкой на втором этаже сарая. Занимали позицию над двухметровым сугробом.

– Чур, я первый! – заявлял Ваня.

Он просовывал туловище под ограждение, приседал и прыгал. А мы следом. Но иногда выдавались неудачные дни.

– А ну слезли отсюда! Паразиты! Сейчас вы у меня получите! А тебе, Ванька, первому достанется, – доносился снизу истошный крик.

Наши манёвры засекал тот самый дворник дядя Вова, любитель котлет. Ещё он был Ваниным папой.

– Быстро на пол! – командовал Ваня.

Мы падали, притворяясь отрядом разведчиков. Я падала не как все, спиной кверху, а наоборот, и ртом ловила снежинки. Снежинки летели с небес, их было огромное количество. А-ам! На язык падала первая, таяла меньше чем за се-

кунду. А-ам! Вторая. Третья могла угодить и в глаз.

– Что, по-хорошему не понимаем? Сейчас мамкам с батками всё расскажу, – угрожал дядя Вова.

– Ребзя, мне пора домой, – вроде бы сдавался Ваня.

Ваня не то чтобы боялся папу. Просто у дяди Вовы был армейский ремень с пряжкой. Этот ремень висел у них дома на самом видном месте – на ручке шифоньера. Для острости. Дядя Вова был хороший. Просто за Ваню он очень переживал, потому что Ваня ничего на свете не боялся.

Как только дядя Вова скрывался за углом, Ваня, я, Таня, Серёга и Наташа десантировались в сугроб и разбежались по домам. Вместо красивого сугроба под сарайками оставалась бесформенная куча с глубокими вмятинами.

Домой мы возвращались насквозь мокрые, с красными щеками, носами и руками. Сразу скидывали одежду и обувь – находиться в них становилось неприятно. У высокой круглой печки в комнате образовывалась горка. Если хорошенько покопаться, в ней можно было найти: чёрные валенки, носки из колючей овечьей шерсти, тонкие носки, колготки, рейтузы, свитеры, кроличьи шапки. мех на шапках был обледеневшим и топорщился, как разъярённый динокобраз.

Стоило как следует встряхнуть любой предмет одежды – начинался снегопад. Снег, принесённый на всём этом добре, от тепла быстро превращался в подтаявшие ледяные шарики. Эти шарики можно было отдирать и бросать в огонь, где

они моментально исчезали. Можно было засунуть кому-нибудь за шкуру.

А можно было просто смотреть, как оранжевое пламя охватывает поленья в печке, наслаждаться живым теплом и думать. В такие минуты в голову приходило много умных мыслей. Например, меня зовут Алёна. Викторовна. По отчеству. А если бы было по мамчеству, тогда Ольговна. Алёна Ольговна!

Собраться вместе нашей честной компании удавалось редко: то один учится, но другой у бабушки, то третья на соревнованиях. Получалось только тогда, когда надо было в школу, а на улице – минус тридцать, и уроки отменяли. Вот тут-то и начиналось самое веселье: валяние в сугробах, кидание снежками, катание с горок. Домой мы забегали только на минутку – перекусить двумя видами бутербродов: чёрным хлебом с подсолнечным маслом и солью или белым хлебом со сливочным маслом и сахарным песком. Вкусностица необыкновенная!

Когда мороз стал уходить, сошёл с ума ветер: начал завывать, сметать снег с крыши и стучать в печной трубе. «Бум-бум! Бах-бах!» – раздавались страшные звуки. Это колотил по крыше кусок железа. Серёга в садике во время тихого часа с головой накрылся простынёй и бегал, как привидение, пугал детей. Подражая ветру, выл и стонал. Воспитательница поставила его в угол и пожаловалась маме. Мама попросила Серёгу повторить выступление дома и смеялась

до слёз.

По вечерам мы с Серёгой частенько гостили у старичков. Им было лет по сорок пять. Оба работали в конструкторском бюро на заводе: КаБэ, как сами говорили. Мы пили чай с клубничным вареньем, с пирогами, которые специально для таких случаев пекла баба Нюра.

Цыга устраивалась рядышком, а мы над ней смеялись. Как только принимался хулиганить ветер, она прижимала уши и выгибалась дугой: что за жуть творится на улице?

До чего она была хороша! Глаза блестящие, зелёные, уголками вверх, как у восточной красавицы. До чего чисто-плотна! Умывалась по полчаса. Сначала поднимала вверх переднюю лапку, осматривала. Вздыхала. Вылизывала лапку с убранными коготками, потом с выпущенными. Вокруг каждого коготка выкусывала лишнее. Тщательно слюнявила лапку и принималась за мордочку. Протирала макушку. Для мытья спинки Цыге приходилось садиться на задние лапки и поворачивать туловище.

– Как зайчик! – смеялся Серёга.

Холодное время года Цыга предпочитала проводить дома. В основном спала, кушала и слушала разговоры. Даже поправилась маленько.

Наступил апрель. Мы вообще-то ждали, что весна начнётся в марте. Потому что март, как известно, первый весенний месяц. Но как бы ни так. Весна всё не начиналась и не начиналась. Наоборот – намело столько снегу, что в один из ап-

рельских понедельников, пятого числа, мы не смогли открыть подъездную дверь. Обрадовались, конечно. Но не тут-то было. Мама подняла телефонную трубку. «Жжж-ж-жжжжжж» и долгое «жжжжжж...». Это она набрала номер учительской 3-12-40. У нас телефонный диск жужжал громко-громко, когда из него вытаскивали палец, и он возвращался на место.

– Нина Ивановна, здравствуйте! Это мама Алёны Смирновой беспокоит. Нет-нет, не заболела. Просто опоздает, мы сейчас откапываться будем. Да-да, завалило чуть ли не до окон. Полкласса не пришло? Ну, тогда ладно. Появимся, когда сможем выйти. И Вам хорошего дня!

«На первый урок точно не успею», – радостно думала я, наблюдая в окно за неуверенными движениями дяди Вовы. Ноги дяди Вовы совершенно его не слушались. Он выбросит левую вперёд, а она уйдет вправо, увлекая за собой всё тело. Он понесет снег в кучу, а ноги останутся, и содержимое лопаты плюхается опять на тропинку. Закончилось разгребание тем, что наш папа поднатужился, приоткрыл дверь плечом, пролез в образовавшуюся щель, отобрал у дяди Вовы лопату и отправил его проспать. Через десять минут путь на улицу был свободен. В школу, садик и на работу мы прибыли почти без опозданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.